

Среди народовольцев начались дискуссии о методах борьбы. Споры привели к расколу.

Г. В. Плеханов, В. И. Засулич, Л. Г. Дейч, П. Б. Аксельрод образовали организацию «Черный передел». Она существовала в 1879–1881 гг. А. И. Желябов, А. Д. Михайлов, С. Л. Перовская, Н. А. Морозов, В. Н. Фигнер сформировали ядро «Народной воли». Террор стал одной из ключевых стратегий в условиях разочарования в крестьянском движении. С. Л. Перовская организовала покушение на российского императора. 1 марта

1881 г. Александр II был смертельно ранен бомбой, брошенной И. Гриневицким, и вскоре умер [5].

Приток белорусской молодежи в столицу государства создал интегральную основу для совместной деятельности организаций России и Польши. Этому обстоятельству посвящено целое направление архивных исследований в советский период истории.

Таким образом, «Долгий XIX век» в Российской империи создал внутренние механизмы социальных рисков.

Список использованных источников

1. Шербакова, Е. О. Рискогенные процессы в странах ЕвразЭС / Е. О. Шербакова, А. И. Лойко // Евразийское пространство диалога Беларуси, Казахстана, России, Армении, Кыргызстана: культура, философия, экономика. Материалы Международной научной конференции. – Минск: БНТУ, 2016. – С. 333–338.
2. Журналы Комитета Западных губерний (Т.1: 1831–1835 гг.). – СПб.: Буланин, 2017.
3. Домбровский, Я., Потенба, А., Подлевский, З., Бобровский, С., Калиновский, К., Мацкявичюс, А., Кепевич, И., Траугут, Р., Врублевский, В. – М.: Молодая гвардия, 1964.
4. Русско-польские революционные связи. Т.1–2. Сер. «Восстание 1863 г. Материалы и документы». – М.: Молодая гвардия, 1963.
5. Суд над цареубийцами. Дело 1-го марта 1881 года. под ред. В. В. Разбегаева. – СПб.: Изд-во им. Н. И. Новикова, 2014. – Т.1–2.

Дата поступления: 23.09.2018.

Лойко Л. Е.

Академия МВД Республики Беларусь, Минск

Loiko L.

Academy of Ministry of Internal affairs of Republic of Belarus, Minsk

УДК 172

ДОЛГИЙ XIX ВЕК И АНАЛИТИЧЕСКАЯ МЕТОДОЛОГИЯ

LONG XIX CENTURY AND ANALITICAL METHODOLOGY

В статье рассмотрено понимание философией и исторической наукой «долгого XIX века». В качестве примера избрана аналитическая философия.

Ключевые слова: XIX век; история; аналитическая методология; наука; время.

Abstract in the article considered understanding philosophy and history science Long XX century. In example considered the analytical philosophy.

Keywords: XIX century; history; analytical methodology; science; time.

Длинные XVIII и XIX века в российской политической истории стали предметом рассмотрения историков США и Российской Федерации в 90-х гг. XX ст. на основе критериев методологии аналитической философии. За основу была взята концепция реальных исторических событий, конкретная и свободная, по мнению ее сторонников, от идеологических шаблонов, свойственных абстрактным концептуальным схемам.

На основе этой концепции методологи и историки России и США провели междуна-

родные коллоквиумы в Санкт-Петербурге и Пенсильванском университете. Их участников интересовали перспективы социальной и политической эволюции постсоветской России. В центре внимания были реформы Александра II. Этот исторический период дает ответы на многие вопросы о содержании и социальных механизмах переходных эпох. В дискуссиях используется понятийный аппарат, представленный концептами «ментальности», «политического ритуала», «политического мифа», «традиционалистской

реакции», «социальной идентификации», «политической культуры».

Особенностью менталитета россиян XVIII–XIX стст. Р. Уортман считает мифологизированное восприятие царской власти. Оно детерминирует устойчивость политических ритуалов, которые становятся не просто красивой церемонией и праздником, но подтверждением сверхчеловеческих свойств династии и близкой к ней элиты: «эти мифы окутывали царскую власть аурой неземного могущества» [1, с. 18]. При таком статусе политических институтов можно не проводить реформ и опираться на сформировавшуюся традицию.

Т. Эммонс, опираясь на архивные материалы по крестьянскому вопросу в России, высказал идею о том, что у политической элиты России был комплекс стыда перед Европой за крепостное право [3, с. 124]. Под влиянием экономических теорий Запада на настроения русского общества начали проводиться реформы. По мнению П. Готрелла, они совпали с ускорением экономического роста, свойственного Европе, в том числе и России, а не положили ему начало. Поэтому в политическом и социальном плане они имели большее значение, чем в экономике, и не могут считаться водоразделом между феодализмом и капитализмом, так же как и переходом от традиционного общества к современному обществу [3, с. 45–46].

А. Дж. Рибер использует понятие «групповые интересы» для выявления основы конвергенции экономических и политических интересов государственной элиты России 60–70-х гг. XIX в. Он выделяет профессиональные и идеологические группировки в русском обществе. Первые тяготели к министерствам, объединялись с целью выработки программ и включали представителей различных сфер деятельности [3, с. 50]. Несколько таких обществ было уже в XVIII в., например, «Вольное экономическое общество», декабристские организации. Их особенности – организационная рыхлость, слабая связь друг с другом, зачастую намеренное утаивание друг от друга своих планов и программ.

Отсутствие практики совместной, коалиционной работы негативно сказалось на заключительной стадии «долгого XIX века», что проявилось в деятельности Временного правительства. Возможно, прав был П. Н. Милюков, резко возражавший против создания коалиции во Временном правительстве. Он понимал, что, не имея устойчивых и эффективных навыков, в условиях революции этому не научишься. При отсутствии единого законодательства основной целью группировок было внимание самодержца. Поэтому, считает А. Дж. Рибер, обозначать эти группы

в традиционном для Запада языке – «либеральная», «консервативная», «буржуазная» – весьма проблематично как в структурном, так и в лингвистическом плане [3, с. 53–65].

Описание политической жизни в России требует иной терминологии, поскольку ее политические институты и социальная структура имели специфический характер. Для второй половины XIX в. А. Дж. Рибер считает правомерным выделение таких группировок, как экономисты и инженеры. Обе сохраняли устойчивый интерес к строительству железных дорог в России, но совместной программы действий не имели. Важную роль играли военные, которых объединяла идея технических новшеств в армии и военного образования; фракция Шувалова или высшего дворянства [3, с. 104]. Не было институтов для поиска согласия и погашения конфликтных ситуаций между группами интересов. Предвестником кризиса была половинчатая аграрная реформа.

С. Хок связывает реформу 1861 г. с кризисом государственных кредитных учреждений, банковской системы, а не с уверенностью власти в необходимости решения аграрного вопроса как такового. Этот кризис не позволил субсидировать приобретение крестьянами земли. Отсюда особенности «Положения 19 февраля» о минимальном наделе, постепенном выкупе. Недостаток капитала в России не позволял открыть ни индустриальные, ни радикальные аграрные преобразования. Провал попыток возложить на неразвитый частный капитал финансирование развития транспорта и промышленности затормозил экономический рост. В этих условиях «необходимо было выработать политику индустриализации именно для России, а не просто переносить сюда зарубежные методы финансирования» [3, с. 80].

Д. Филд анализирует восприятие реформы об отмене крепостного права самими крестьянами и приходит к выводу, что для большинства из них «выполнение “Положений 19 февраля” являлось как бы проверкой лояльности или же источником заразы...» [3, с. 82]. К истечению срока подписи грамот было подписано только 42 % из их предполагавшегося числа. Самый высокий процент был в Минской губернии – 99,8 % [2].

Реакция крестьян соответствовала их правосознанию, а также полному несовпадению двух концепций собственности, имевших место в России. Начиная с Петра I принимается концепция западного типа, на основании которой в 1861 г. провозглашается право помещичьей собственности. Крестьяне же считали, что земля принадлежит тому, кто ее обрабатывает, поэтому вы-

купные платежи воспринимались как вопиющая несправедливость.

Кроме того, в самой реформе сохранялось многое от крепостничества – власть помещиков и местной администрации, прикрепление к земле через общину, иерархия в социальном статусе, местный суд. «В целом, – пишет Д. Филд, – реформа была скорее упорядочением, приведением в систему старого, чем введением нового» [3, с. 87]. Она не стала непосредственным стимулом экономического развития.

Более успешной была судебная реформа 1864 г. как веха на пути к абсолютной и конституционной монархии. Она изначально затрагивала лишь институциональную и процессуальную структуры судопроизводства, а не само право. Были творчески адаптированы достижения судебной практики Франции и Великобритании. Это независимые суды, профессиональная подготовка юристов, институт присяжных заседателей, гласность [3, с. 305]. В целом в практике реформ существовало глубокое комплексное противоречие между целями, средствами и их результатами.

С методологической точки зрения по данному вопросу можно сделать следующие выводы: 1) любые концепции и исследовательские модели многоукладности, революционной ситуации, альтернативности развития, выбора пути, модернизации должны применяться как инструмент анализа, а не идеологическое обоснование современной политики. В противном случае возникает опасность перекося в сотворении исторического прошлого страны; 2) в изучении российских реформ необходим сравнительный анализ русской истории со странами Западной Европы и третьего мира.

Перед исторической методологией стоят важные задачи развития исследований на границах экономической, социальной, ментальной истории; учета взаимосвязи длительных и кратковременных экономических, социальных и политических процессов; социальных структур, конъюнктур и событий; глубокого изучения социальных представлений людей, темпов и динамики изменений в психологических состояниях; разработки понятий, способных отразить своеобразие российского исторического процесса.

Список использованных источников

1. Реформы или революция? Россия 1861–1917. – СПб.: Наука, 1992.
2. Межов, В. И. Крестьянский вопрос в России. Полное собрание материалов для истории крестьянского вопроса на языках русском, и иностранных, напечатанных в России и за границей, 1764–1864 гг. / В. И. Межов. – СПб., 1865. – 436 с.
3. Великие реформы в России. 1856–1874: сб. по итогам конф. в Пенсильванском университете (США) в 1989 г. – М.: Изд-во МГУ, 1992.

Дата поступления: 24.09.2018.